

УДК 1: 101.9 (575.2) (04)

**ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИК А. АЛТМЫШБАЕВ
В ИСТОРИИ НАУКИ И ФИЛОСОФИИ**

Дж.А. Алтмышбаева¹

The process of science becoming as a social institute and the development of science as a form of social consciousness in the young soviet country, which overpassed from feudal stage of society to socialism is the main item of this article.

Ключевые слова: история науки, история философии, фольклор, научная дискуссия, наследие культуры.

Со времени создания социалистического государства советская власть, рассматривая философию как научную методологию революционного социального преобразования мира, уделяла особенное внимание развитию общественного сознания народов ранее остальных, находившихся на этапе феодального развития общества, справедливо полагая, что только определенный подъем уровня культуры позволит успешно созидать материально-техническую базу социального устройства и внедрять в жизнь общества принципы социальной справедливости. Между тем, в области философии страна Советов не располагала значительными профессиональными кадрами теоретиков-марксистов, и ей приходилось готовить кадры как для философии, так и для других областей культуры и науки

из среды рабочих и крестьян, так как большая часть старой интеллигенции не только не восприняла идеалов Октябрьской революции, но и оказывала мощное сопротивление по всему фронту социалистических преобразований. В этих условиях и формировались философские кадры нового государства.

Одним из таких представителей и был первый профессиональный киргизский философ советского периода Асылбек Алтмышбаев. Его трудовой и научный путь очень показателен и достаточно типичен для национальной политики советского государства. Особенности личности философа связаны с тем, что он всегда считал себя прежде всего коммунистом и всегда очень последовательно и искренне отстаивал идейную чистоту марксизма-ленинизма, его мировоззренческие и методологические основы, показывая пример подлинно творческого подхода к анализу сложнейших проблем общественного сознания, исследуя историю общественно-

¹ Алтмышбаева Джаныл Асылбековна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки КРСУ.

политической и философской мысли киргизского народа. Его научные работы неизменно вызвали большой общественный резонанс не только в республике, но и за рубежом.

Профессиональная деятельность А.А. Алтмышбаева изначально была тесно связана с общественно-политической, так как на его глазах происходили события эпохального значения и всей своей жизнью и судьбой он оказался связанным с политикой нового государства. Он родился весной 1916 г. и вместе с матерью и двумя старшими сестрами и братом был вывезен в Китай родственниками матери во время восстания 1916 года. Вернулись они в 1919 г. благодаря ленинскому указу, и это событие навсегда определило его мировоззрение: он всегда помнил о значимости Октябрьской революции для всего киргизского народа. Помнил он и то, какой ценой было оплачено возвращение на родину: его старшая сестра была продана, чтобы мать с детьми могла оплатить переход домой. Отдельные картины этого кровавого перехода в буквальном смысле слова впечатались в его память. Ему трудно было смириться с утратой сестры, но он знал, что такое практиковалось в бедных семьях и в прошлом. Это обстоятельство сделало его непримиримым со старым строем и теми обычаями, которые унижали достоинство человека. Борьба с пережитками и просвещение народа стало делом всей его жизни.

Он очень рано приходит во взрослую жизнь и двенадцатилетним подростком уже учителем в сельской школе, ведя активную комсомольскую работу. В 17 лет он избирается вторым секретарем Джеты-Огузского райкома комсомола. Затем учеба по комсомольской путевке в КомВУЗе и преподавательская работа, которая прерывается в 1937 г. службой в погранвойсках на южных границах страны. После демобилизации командирован на учебу в Высшую партшколу при ЦК

ВКП(б) и оставлен в аспирантуре (с этого момента его жизнь оказывается связанной с философией). Учеба в аспирантуре сочеталась с работой на лесоповале. Так страна выходила из послевоенной разрухи. Советское государство требовало от своих граждан одинаково полной трудовой отдачи. Так он и работал всю оставшуюся жизнь, требуя такой же отдачи и от людей, работавших с ним.

С 1960 г. он неизменный член Научного Совета АН СССР по истории общественно-политической мысли, член Правления философского общества СССР и общества «Знание», председатель их республиканских органов. Можно сказать, что вся его научная и общественно-трудовая деятельность была связана с созданием и развитием АН КиргССР – сначала в качестве заместителя председателя КирФАН СССР, затем вице-президента АН КиргССР – и формированием и развитием философской школы, созданием Института философии и права. В работах А.А. Алтмышбаева исследовались закономерности перехода отсталых народов Советского Востока к социализму минуя капитализм и особенности формирования культуры народов Средней Азии, прослеживался процесс формирования общественного сознания, анализировались причины сохранения пережитков старого в сознании и поведении людей, рассматривались другие важные вопросы социального строительства.

Возможно, современный читатель в силу изменения идеологического климата общества посчитает неактуальным для себя погрузиться в работы философа советского периода. Однако для постижения истории философии и общественно-политической мысли киргизов представляемые работы помогут лучше понять, что сделали наши предшественники в формировании и развитии научно-теоретического мышления народа, без чего дальнейшее развитие страны обречено на

стагнацию. Одним из достижений советской философской науки было то, что несмотря на идеологические извращения в развитии науки были открыты, «воскрешены» к новой жизни и приобрели широкое признание многие забытые или малоизвестные работы мыслителей и общественных деятелей киргизского народа. Правда, какой ценой были оплачены эти достижения, забывать нам не следует.

Внешне очень гладкий и даже показательный пример судьбы деревенского паренка, «осчастливленного» советской властью, – так выглядит его судьба, и именно так в целом это и было. Редкий человек может похвастаться столь удачно сложившейся жизнью. Удалось сделать многое из того, что было намечено, кроме издания одной работы, которую на протяжении почти 20 лет ему не позволяли опубликовать, несмотря на положительные рецензии и отзывы и рекомендацию Ученого совета института философии и права АН КиргССР. Причем, запрет исходил не только от руководства Академии наук, но и от партийных органов. Рукопись «Утверждение социалистической идеологии в некоторых областях духовной культуры киргизского народа» обсуждалась неоднократно в стенах института философии и права и даже была рекомендована Ученым советом института к печати в 1970-е гг., но так и не получила права на публикацию при жизни автора.

Такому положению дел было несколько причин. Во-первых, автор затрагивал принципиальные вопросы научного и общественного авторитета таких столпов творческой и научной интеллигенции, как А. Токомбаев, Дж. Шукуров, Б. Юнусалиев, Х. Карасаев, Т. Саманчин, К. Маликов, по вопросу оценки творчества выдающегося представителя течения «Заман» Молдо Кылыча, поэтическая

деятельность которого была предметом рассмотрения в одной из глав представляемой работы. Все указанные лица поддерживали точку зрения, согласно которой Молдо Кылыч выступал в качестве представителя киргизской письменности, и приписывали ему авторство известных фольклорных произведений. Нельзя отрицать, что скорее всего это делалось из наилучших побуждений придать более высокий статус национальной литературе и общественной мысли киргизского народа. С помощью фактов, в подлинности которых не приходится сомневаться и сегодня, А.А. Алтмышбаев пытается показать несостоятельность такого подхода в научном плане.

Известно, что упомянутого рода дискуссии имели место и в русской литературе по поводу подлинности выдающегося памятника русской литературы «Слово о полку Игореве». При этом проблема, как известно, носила принципиальный характер: является ли данный памятник творчеством средневекового периода или сфальсифицирован гораздо позже, в XVIII в. графом А.И. Мусиным-Пушкиным, который по поручению императрицы Екатерины занимался сбором и изъятием из монастырских библиотек и архивов рукописей, представляющих интерес для русской истории. Около 1792 г. он приобретает список «Слова о полку Игореве», который погибает во время московского пожара 1812 г. Данное обстоятельство усугубляет сомнения современников как в самой России, так и за рубежом по поводу аутентичности сочинения.

Аналогичные вещи имели место в истории культуры и других народов. Что касается нашей ситуации, то она усложнялась присутствием идеологического аспекта дискуссии, который в условиях культа личности Сталина сыграл зловещую роль в 30-е и 40-е годы минувшего века. Не исключено, что К. Мифтахов¹ стал ее заложником, поскольку нельзя было сохранить произведение, на тот период

¹ Собиратель произведений Молдо Кылыча, работал в КиргФАНе в 1930–40-х гг.

выглядевшее реакционным по содержанию с точки зрения принципов интернационализма и классового подхода, не представив его анонимным и не выдав его за фольклорное сочинение. Сам К. Мифтахов мог и не знать об интриге, по-видимому оправданной на тот момент ожесточенной классовой борьбы и неумолимо действующего молоха репрессий. Ситуация была, безусловно, щекотливая, но с точки зрения человека, искренно преданного идеалам коммунизма, принципиально недостойная. Вторая причина – традиционное неприятие учеными философии в качестве методологии научного исследования¹.

И, наконец, третья причина, о которой нельзя не упомянуть, нисколько не желая умалять достоинство и значительные достижения этих выдающихся представителей культуры и науки киргизского народа. Хотелось бы внести ясность в тот спор и указать на причину, препятствовавшую пониманию сложившегося противостояния между указанной группой киргизской интеллигенции и автором упомянутой монографии. Эта причина послужила основанием для точки зрения уважаемого ученого С. Джигитова, который на вопрос, поставленный перед ним по рассматриваемому поводу в 1990-е гг., очень просто подвел итог: за этим противостоянием стояла тривиальная групповая борьба. (Данное замечание напоминает реплику Дж. Милля, который на вопрос собеседника, как Д. Юм не мог верить

¹ А.А. Алтмышбаевым в одной из предыдущих работ была охарактеризована как консервативная точка зрения уважаемых лингвистов второго поколения (если условно считать, что первыми были Е.Д. Поливанов и К. Тыныстанов), поскольку при оценке факторов развития языка они, в отношении орфографии киргизских слов, придерживались принципа «самобытности» внутреннего источника развития слова (или, как сейчас это именуется, принципа «интернализма»), не учитывая развития языка во взаимодействии.

в реальность существующего мира, ответил: «Неужели Вы не поняли, что для Д. Юма мир был так же реален, как и для нас, но его солипсизм был средством изматывания противника в споре...»).

Конечно, нельзя не принимать во внимание всю сложность и неоднозначность тех лет, которые сказывались на поступках и оценках даже очень талантливых и выдающихся людей того времени. В целом это было поколение титанов, создававших основы не только нашей государственности, но и культуры в целом. Их породила система, которая требовала единства мысли и действия, и при малейшем отклонении от курса жестко и последовательно преследовала. Для лучшего понимания ситуации, связанной с содержанием монографии, прилагаются тексты двух выступлений на заседаниях Ученого совета Академии наук, касающихся предмета дискуссии и не ставших достоянием гласности в свое время. Первое выступление приводится фрагментами, отвечающими на те нападки, которым А.А. Алтмышбаев подвергался при обсуждении докторской диссертации 10 июля 1960 г. Интересно, что обсуждение работы проходило не только в академических или научных кругах, но и на страницах республиканской печати.

– «Вы, Константин Кузьмич, и некоторые Ваши единомышленники обвиняете меня в том, что я, якобы, несправедливо отношусь к Тыныстанову, к его наследию.

Давайте уточним немного, кто и как в действительности относились и относятся к Тыныстанову... Вам хорошо известно, что мое мнение о Тыныстанове сложилось только на основе печатных выступлений самого Тыныстанова и на основе высказываний его современников, в частности, на съезде писателей, на пленуме обкома партии и т.д.

У Вас, однако, не хватает смелости прямо сказать: тов. Алтмышбаев, объявив национа-

листом Тыныстанова, вы ничего нового не открыли, вы повторяете только слова Аалы Токомбаева. Если бы Вы задали бы такой вопрос Аалы Токомбаеву и он сегодня отказался бы от своих выступлений против Тыныстанова-националиста, то это в какой-то бы степени заставило бы меня задуматься над своим отношением к Тыныстанову. По существу Аалыке остается при своем мнении, решения Киробкома партии о Тыныстанове тоже остаются в основном в силе. Как и почему Вы требуете только от меня, чтобы я пересмотрел свое отношение к Тыныстанову? Странное требование с Вашей стороны о справедливости!

Теперь о честности. Вы как будто проявляете заботу о наследии Тыныстанова. Дело похвальное о покойном товарище. Но после ареста Тыныстанова оставалась в фонде Института языка и письменности им составленная рукопись киргизско-русского и русско-киргизского словарей, охватывающая несколько тысяч слов. Вы никогда не задаете вопрос, куда девалась эта рукопись? Не лучше ли было бы Вам вместе с Х. Карасаевым разыскать эту рукопись и сдать ее в печать? Ведь в этих словарях, вероятно, меньше, быть может, вовсе нет тех националистических наскоков, которые имели место в его стихах. Издание словарей было бы полезно и Вам, и Тыныстанову, вернее, его памяти...

Теперь о характере моей путаницы по киргизскому языку. Вы считаете, что я отстаивая написание интернациональных слов, вошедших и входящих в киргизский язык через русский язык, писать в единстве с русской орфографией, чтобы не устанавливать «своей» киргизской орфографии для русских слов, вношу в киргизский язык невероятную путаницу... А Вы это сделали, исключив из киргизского языка целые две фонемы: «q» и «g», «qirgiz» и «aq qagaz» (кыргыз и ак кагаз) и т.д.

Очень жаль, что Х. Карасаев сознательно избегает стенограммы. Старый прием...

По известным мне данным, Х. Карасаев впервые со специальной статьей выступает в печати в начале 1930 года. Эта статья, опубликованная в газете «Кызыл Кыргызстан» 8.01.30 г. №6 (807), именовалась «Термин алуу пиринциби жайында (талкуу ретинде)». Правда, данной статье предшествовала серия статей А. Шабданова... Шабданов не очень цеплялся за соблюдение правила сингармонизма по отношению вошедших и входящих в киргизский язык русских и других интернациональных слов. К. Карасаев примерно то же самое говорил в вышеуказанной статье относительно написания интернациональных терминов. Как бы там ни было, эти принципы ...нашли потом свое отражение в проекте орфографии киргизского языка, который был опубликован в газете «Кызыл Кыргызстан» 5.12.30 г. № 284. С принятием орфографии 1930 года, споры не закончились и продолжаются до наших дней. В них К. Карасаев принимает самое активное участие, с небольшим, правда, перерывом в 37–40 годах.

В течение этого времени сам Х. Карасаев убедился в том, что развитие киргизского языка шло и идет не по тому пути, по которому он хотел. Поэтому Х. Карасаев был вынужден кое в чем уступить. Но не настолько, чтобы его старая концепция совершенно сдала свои позиции.

В конечном счете были внесены изменения правил правописания интернациональных слов, вошедших в киргизский язык через русский. Под этими «давнобытующими» в киргизском языке русскими словами числятся многие слова и термины, вошедшие в наш язык после Октябрьской революции. Вот те факты, на основании которых я позволил себе говорить о позиции Х. Карасаева как консервативной... Далее, не я относил Э. Арабаева в число националистов, а Вы, уважаемый Х.К. Карасаев еще в 1930 году в своей статье в газете «Q.Q» («Кызыл Кыр-

гызстан») публично зачисляли его в число матерых националистов.

По накалу страстей дискуссия, как видим, достаточно показательная и, кажется, к научному спору мало имеющая отношение, но в том-то и дело, что часто научные споры проходят именно в таком виде. И как тут не вспомнить о субъективности ученого, влияющей на результаты исследования. В результате вопросы, связанные с развитием языка в советской Киргизии были из диссертации изъяты, но затем были включены в данную монографию в виде целой главы.

Второе выступление было связано с обсуждением работ представителя идейного течения «Заман» Молдо Кылыча Шамырканова, что также сопровождалось особенным накалом страстей. Судить об этом предоставляю право читателям».

– «Сегодня в третий раз я принимаю участие в разборе творчества Молдо Кылыча. Первый раз это было примерно в 1952 г., второй раз в начале 1960 г. Но всем нам хорошо известно то, что задолго до 1952 г. вопрос о наследии этого акына был предметом неоднократных обсуждений научной общественности. Но никогда эти довоенные обсуждения не знали такого противоречивого обмена мнениями и взглядов, как в послевоенные. Довоенные обсуждения вопроса и принятые решения не шли дальше того, чтобы опубликовать одно или два произведения Молдо Кылыча. Так, нам известно лишь одно произведение акына «Канаттуулар», которое было опубликовано в 1925 г. в сборнике «Гамсилдер» (Мы здесь не будем касаться вопроса о дореволюционном издании творчества акына, в частности его книги под известным названием «Зилзала», вышедшем из печати в 1911 г. в Казани под редакцией и с кратким предисловием Эшеналы Арабаева). Второй раз это же произведение «Канаттуулар» печатается отдельной книгой в 1939 г. под редакцией Кубанычбека Малико-

ва. И никто не претендовал тогда открывать Молдо Кылыча как акына демократа, основоположника дореволюционной письменности и литературного языка. Впервые в этом плане делается попытка в 1943 г. в «Очерках киргизской литературы», написанных коллективом авторов в лице М.И. Богдановой, О. Джакишева, Т. Саманчина и К. Рахматуллина.

Надо заметить, что уже в этих очерках автор раздела о Молдо Кылыче Т. Саманчин без каких-либо оговорок приписывает Молдо Кылычу «Буудайыктын Тою», хотя уже к этому времени существовали различные мнения относительно принадлежности этого произведения тому или другому автору. К этому времени в двух защищенных диссертациях под названием «Язык Молдо Кылыча» Дж. Шукурова и в диссертации Т. Саманчина «Молдо Кылыч – первый киргизский акын-письменник» была обоснована данная точка зрения. В 1945 г. под редакцией Аалы Токомбаева выходит книга, в которую вошли, кроме «Чуй баяны», «Канаттуулар», «Зар заман» и «Буудайыктын тою» под названием теперь почему-то «Буркуттун тою» и сама песня о «Буудайыке». Как и в своей диссертации, в предисловии к данной книге ее составитель Т. Саманчин без каких-либо оговорок приписывает Молдо Кылычу на этот раз и песню «Буудайык».

Составитель данной книги и ее ответственный редактор и на этот раз умалчивают о том, что еще в 1925 году зять самого Саманчина Б. Данияров указывал в предисловии к вышеуказанной книге «Гамсилдер», что «Буудайык» является фольклорным произведением, давно бытующим среди киргизов, и оно печатается по варианту Койлуу Токоловой, сказителя народных песен из бывшей Эсенгуловской волости Нарынского уезда Кыргызской автономной области, записанного в 1922 году.

Б. Данияров писал: «Мында (т.е. в сборнике) «Канаттуу» деген кыргыздын белгилуу акыны Кылычтыкы, Кылычтын оз жазмасынан эмес эл оозунан жазылып алынган. Буудайык» менен «Буудайыктын тою» эл оозундагы илгертен келе жаткан тамсилдер. Барытек куштар тууралу айтылган тамсил болгонсон, бир китепче кылып жибердик... «Буудайык» Нарын уезиндеги Койлуу Токой деген кария оозунан жазылып алынган. «Буудайыктын тою» кимдин оозунан жазылганы малым эмес. Айтор Калык адабиятынан экени кимге болсун талашсыз акыйкат».

Вот из этих указаний Б. Даниярова, который лично знал, по мнению некоторых наших историков, Молдо Кылыча, не было сделано выводов и ответредактором сборника А. Токombaевым. Никто из них не обмолвился ни единым словом о замечании Б. Даниярова.

Второе мое общее замечание сводится к истории собирания наследия Молдо Кылыча. Первым собирателем и издателем произведений акына был его земляк Эшеналы Арабаев. Он в предисловии к «Зилзала» и в примечаниях к нему, говоря об основных произведениях Молдо Кылыча, упоминает, кроме «Зилзала», «Зарзамана», «Канаттуулар» и сонаты о знаменитых киргизских людях прошлого. Больше дореволюционных письменных данных о Молдо Кылыче нам пока неизвестно, за исключением «списка киргизов рода манапов Пишпекского уезда», составленного Талызиным в 1896–1987 году, в котором Молдо Кылыч проходит под №49, как один из этих манапов.

Третьим собирателем произведений Молдо Кылыча был ныне покойный Каюм Мифтахов. О причине гибели этого замечательного собирателя народного творчества разговор должен быть особым. Скажу только, что Мифтахов повесился в результате травли со стороны некоторых лиц, работавших с ним вместе до последних дней его жизни. Возвра-

щаясь к деятельности Каюма Мифтахова по сбору киргизского фольклора, надо сказать, что многие дошедшие до нас произведения народного творчества, в том числе сочинения Молдо Кылыча своей сохранностью обязаны именно этому скромному труженику. Сбор материалов он закончил к концу 30-х годов. Однако закончить работу по систематизации материала ему не дали, т.к. его записи либо переделывались, либо заменялись «новыми» вариантами, поступавшими в начале 40-х годов со стороны якобы современников Молдо Кылыча. Таким новым вариантом творчества Молдо Кылыча являются материалы, полученные якобы от Белека Солтоноева в 1946 году. Больше того, мне на днях стало известно, что наш современник А. Чоробаев, оказывается, до сих пор таил еще один «новый» вариант творчества Молдо Кылыча, который он недавно передал тем товарищам, которые считают себя идейными наследниками акына.

Встает законный вопрос – почему Белек Солтоноев, а теперь и А. Чоробаев до последнего времени хранили молчание о наличии у них вариантов творчества Молдо Кылыча, которые принципиально отличаются от появившихся в печати.

Не во всех, конечно, но во многих исследованиях по киргизоведению наблюдается неправильная тенденция. Она заключается в том, что авторы таких исследований, признавая наличие классов и классовой борьбы в дореволюционном киргизском обществе, избегают указывать конкретных носителей этих классовых и идеологических противоречий и следующей из этого борьбы интересов, отделяясь общими фразами.

Причина кроется в том, что когда осмеливаешься говорить о классовой и идеологической борьбе в дореволюционном или даже послереволюционном периоде, то всегда найдутся люди, которые сразу же организуют против вас травлю. И такой подход находит

поддержку со стороны официальных лиц и органов. Такое положение нетерпимо и ничего общего не должно иметь с советской действительностью.

Критика поэзии заманистов помогла восстановить подлинно марксистско-ленинский подход к оценке литературного наследия прошлого, выявить подлинно народное творчество. Конечно, в борьбе и полемике за демократическое наследие было и кое-что лишнее. Поэтому сейчас должна идти речь не о развенчании критики наследия заманистов, а об устранении тех промахов, которые были допущены в процессе критики. В частности, сейчас можно вести речь о снятии с защитников творчества заманистов националистических ярлыков. Далее может идти речь о разрешении публикации тех произведений

Молдо Кылыча, которые бесспорно принадлежат самому акыну и более или менее выдерживают критику, не являясь по содержанию социально-вредными.

И, наконец, такое пожелание – объективно, в соответствии с реальным творчеством Молдо Кылыча оценить его сочинения, не преувеличивая и не преуменьшая его действительные заслуги перед народом».

28 марта 1965 г.

* * *

Безусловно, по прошествии времени не во всем можно согласиться с автором этих строк, но одно верно: критикуемые им методы ведения научных дискуссий ничего общего с наукой не имеют.